

точка зрения

Международная жизнь, 1990, март

СОМНЕНИЯ В ДОГОВОРЕ ПО РСМД

Письмо в редакцию народного депутата СССР

Э. Гамса

ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД в различных газетах опубликован ряд разъяснений в ответ на выражаемую частью читателей (судя по всему, довольно значительной) озабоченность в связи с условиями, на которых подписан советско-американский Договор по РСМД.

Думается, нам еще не единожды придется возвращаться к этой теме уже потому, что приводимый из раза в раз набор стандартных аргументов весьма малоубедителен и, как таковой, не только не успокаивает людей, но сеет еще большие сомнения.

Все далеко не так просто и однозначно, как это представляется. Практически по каждому аргументу можно (и, видимо, нужно) привести достаточно основательный контраргумент, совокупность которых в состоянии изрядно подпортить нарисованный различными обозревателями конфетный пейзаж.

Взять тот же вопрос о количественном несоответствии уничтожаемых ракет (1752 — у СССР и 859 — у США). Кстати, если принять в расчет боеголовки этих ракет, о которых зачастую вообще не упоминают, то соотношение станет для нас еще более удручающим.

Да, у нас оказалось больше ракет средней и меньшей дальности, чем у американцев. И что с того? У нас их и должно быть больше, так как приходилось принимать в расчет ядерные силы Франции и Великобритании. Между прочим, в течение ряда лет советская сторона рассматривала зачет западноевропейских ядерных сил как обязательное условие для достижения любого соглашения по ядерному оружию средней дальности. Разумно ли было отказываться от этого принципа ради заключения нынешнего договора? В свое время А. А. Громыко говорил, что советским людям совершенно безразлично, какой национальности ракеты будут падать на наши города. Мудро говорил! Может быть, с тех пор в военных планах Парижа и Лондона появилось нечто, вселяющее оптимизм? Отнюдь.

Вот, например, что пишет о французских ядерных амбициях газета «Юманите»: «В 1985 году ядерные силы Франции были в состоянии уничтожить 25 — 34 миллиона советских граждан и от 16 до 25 процентов советского промышленного потенциала. К 1990 году людские потери СССР в результате французского ядерного удара могут возрасти до 48 — 55 миллионов человек, и при этом будет уничтожено 25 — 40 процентов промышленного потенциала. К 1995 году планы Парижа предусматривают иметь ядерные силы, способные убить 81 миллион советских людей и стереть с лица земли две трети промышленных мощностей».

И в этих условиях мы соглашаемся на рейгановский «нуль» в Европе? Не слишком ли смело? Если это и есть то самое новое мышление, которым сейчас заклиняют всех сомневающихся, то я, откровенно говоря, предпочитаю старое. Раньше-то мы хотя бы на ракеты, по крайней ме-

ре, могли о
канцы с фр
шой друг, а
дается впечат
политическу
идет дальше

Поневол
венной войн
умной проп
тах заговор
ленно прекр
утверждают
щи, кстати с

Конечно
нас найдется
пенсируют «
то они найд
стратегическ
ориентация
та. Думается
зическая» во
тим на поли
Особенно ост
риканского
мость» каждо

Другой д
носит, пожа

Старейши
та». Согласн
говор, налага
ва, мы созда

Сейчас н
в мире худ
чивости даже
бы сегодня н
добреньким
промиссы, но
новскую форм
выгодном для
ужесточения
политическим
требований, в
такой эволю
Японии явно
рий», как в То
японская стор
водство прояв

Рассужде
граммирована
тоже не выде
нам следует п
еще и высшая
ваться в четыр
Ясно, во в
пломаты в Же
торая наклад
ности) обязате

ре, могли опереться. А теперь что прикажете? Уповать на то, что американцы с французами тоже, мол, люди, что Арманд Хаммер — наш большой друг, а М. Тэтчер хоть и грозная на вид, но все-таки женщина? Создается впечатление, что некоторые наши лидеры взяли на вооружение политическую философию кота Леопольда, вся «мудрость» которой не идет дальше известной формулы: «Ребята! Давайте жить дружно».

Поневоле вспоминаешь читанное о первых днях Великой Отечественной войны, когда многие наши бойцы и командиры, убаюканные немумной пропагандой, всерьез рассчитывали на то, что в немецких солдатах заговорит чувство пролетарской солидарности и оттого война немедленно прекратится. К сожалению, элементы подобного «мировидения» утверждаются и в сознании многих наших современников, не без помощи, кстати сказать, средств массовой информации.

Конечно, можно успокаивать себя тем, что где-нибудь за Уралом у нас найдется сотня-другая межконтинентальных ракет, которые компенсируют «выводимые в расход» евростратегические системы. Найдись-то они найдутся, но ведь эти МБР входят составной частью в формулу стратегического паритета между СССР и США, и их практическая переориентация будет, по существу, равнозначна утрате нами этого паритета. Думается, что это не только чисто умозрительная, но и вполне «физическая» возможность, негативное воздействие которой мы вскоре ощутим на политическом, дипломатическом и в итоге на военном уровне. Особенно остро этот вопрос встанет в случае достижения советско-американского соглашения о 50-процентном сокращении СНВ, когда «весомость» каждой сохраняющейся ракеты возрастет, по меньшей мере, вдвое.

Другой довод против неравных обязательств по Договору по РСМД носит, пожалуй, еще более принципиальный характер.

Старейшая политическая мудрость гласит: «Не создавай прецедента». Согласившись (пусть даже в силу самых благих намерений) на договор, налагающий на нас большие, чем на контрагентов, обязательства, мы создали крайне нежелательный для себя прецедент.

Сейчас пишут, что в минувшие годы советская дипломатия обрела в мире худую славу господина «Нет» из-за своей абсолютной неуступчивости даже в тех вопросах, по которым был возможен компромисс. Как бы сегодня нам не впасть в обратную крайность и не прослыть таким добреньким господином «Да», готовым не только на обоюдные компромиссы, но и на нечто большее... Похоже, что наше согласие на рейгановскую формулу ликвидации евроракет истолковано за рубежом в невыгодном для нас контексте. Создается реальная угроза значительного ужесточения позиций наших оппонентов на дальнейших переговорах по политическим и военным вопросам, выдвижения ими дополнительных требований, в иных обстоятельствах немыслимых. Конкретные признаки такой эволюции уже налицо. После подписания Договора по РСМД в Японии явно оживилась кампания за «возвращение северных территорий», как в Токио именуют советские Курильские острова. Похоже, что японская сторона всерьез надеется, что и в этом вопросе советское руководство проявит новое мышление.

Рассуждения о том, что неравноценность сокращения якобы запрограммирована исходным ракетным дисбалансом между СССР и США, тоже не выдерживают критики. Что с того, что по правилам арифметики нам следует поломать ракет вдвое больше против американцев? Есть же еще и высшая математика! Кто сказал, что политика должна укладываться в четыре арифметических действия?

Ясно, во всяком случае, одно: при любых обстоятельствах наши дипломаты в Женеве должны были искать такую формулу соглашения, которая накладывала бы на обе стороны совершенно равные (по совокупности) обязательства и, следовательно, не наносила бы ущерба нашему